Глава 5: Добро пожаловать в Конохагакуре (Часть 1)

"Кушина-сан, не пугай ее", - предупредил Обито, когда я немного отодвинулась назад. Я не боялась, я просто не хотела, чтобы она снова схватила меня... не то чтобы я могла что-то сделать, чтобы остановить ее, если она решит сделать это снова.

"Как ее зовут?" Она снова спросила, глядя мне в глаза... В ее взгляде не было злости. Она даже не была раздражена. Она смотрела... с надеждой? С надеждой?

И тут до меня дошло. Ее родной деревни больше нет. Ее семья и все, кого она знала до отъезда в Коноху, либо мертвы, либо потерялись в четырех концах этого мира. Она надеялась найти семью, людей, которые разделяют ее кровь. Она была Джинчурики, ей было трудно найти таких людей, как Минато, которые не осудят ее за то, что она должна делать ради своих обязанностей.

Я пригнула голову, ломая ее взгляд. Какие бы печати ни наложила Сомоку на мои руки, они уже прокляли мое положение. Я никак не могла выбраться из этого, оставаясь безмолвной, но что мне сказать? Я действительно не хочу оказаться подопытной. Под пытками я не протяну и десяти минут. Я нерешительно отвела взгляд, надеясь, что смогу что-нибудь придумать, но когда увидела ее глаза, все мысли об оправданиях покинули мой разум.

Она смотрела так грустно и с надеждой. Логическая часть моего разума кричала, что у нее осталось всего два или три года и что мне не стоит глупо рисковать, вытесняя себя. Не было смысла привязываться к ней, когда ее дни сочтены. Но все мои доводы были отброшены, как только я увидела ее глаза.

"Каса, ты можешь сказать мне, как звали твою мать?" - снова спросила Кушина.

Я мысленно вздохнула, такая надежда, такая печаль... У меня не было ни единого шанса. "Маму звали Сомоку... Сомоку Узумаки".

Ее лицо нахмурилось, не узнав имени моей матери, но засветилось, когда она услышала фамилию Узумаки, но помрачнело, когда она кое-что вспомнила. "Обито сказал, что твоя мать была..." Она запнулась, не желая заканчивать. "Были ли еще какие-нибудь Узумаки? Бабушки и дедушки, тети или дяди?"

"Я не знаю. Всегда были только мама и папа, пока..." Я запнулась, осознав это. Я не замечала раньше, потому что мама всегда отвлекала меня своими уроками и занятиями... Теперь ее нет, а папа... Я понятия не имела, где он, но... "Я... одна".

Удивление промелькнуло на моем лице, прежде чем поняла, что сказала это вслух. Через мгновение Кушина обняла меня, словно пытаясь оградить от всего, что творилось у меня в голове. Даже Обито выглядел торжественным, спокойно наблюдая за происходящим своим единственным глазом. Я сидела ошеломленный, не зная, что делать. Не то чтобы я была застрахован от чувства одиночества. Оно было, но я была взрослой женщиной и могла справиться с одиночеством.

Не говоря уже о том, что над моей головой висел страх быть доставленной на допрос. Тратить время впустую и предаваться одиноким мыслям не входило в список моих приоритетов. Не поймите меня неправильно, я ценю их чувства, но я не знала, как реагировать в таких ситуациях. Сказать ли мне что-нибудь? Ничего не говорить? Что обычно делают пятилетние дети в такой ситуации?

В голове промелькнули пустые мысли, прежде чем я, наконец, решилась на объятия. Кушина, похоже, нуждалась в этом больше, чем я. Не то чтобы я возражала, всегда было приятно, когда тебя обнимают и хотят. Но, интересно, стал бы этот мир добрее, если бы все чаще обнимались? Я подняла руки, чтобы обнять его в ответ.

Попытка не повредит, верно?

Путешествие обратно в Коноху заняло целую неделю, Кушина и еще один Джонин тащили наши задницы обратно, учитывая, что Обито ранен, а тащить такого гражданского, как я, по зоне боевых действий было все равно что приклеить на спину знак "ударь меня". Я даже на дерево залезть не могу, не говоря уже о том, чтобы скакать по лесу, прыгая по деревьям. Повезло, что мы добрались до заставы именно тогда, когда добрались; она была в последний день своей ротации в пограничном патруле. Если бы мы приехали на день позже, мы бы вообще ее пропустили, и ситуация с пограничниками могла бы закончиться плачевно.

К нам присоединились Цуме Инузука и ее нинкен Куромару, временная команда Кушины. Я не знаю точно, какими протоколами руководствуется Коноха-нин во время войны, но я рада, что в нашей группе была Инузука. Не хочу сказать, что Кушина и Обито не могут справиться сами, но мне спокойнее спать по ночам, зная, что Куромару, грозный пес, похожий на волка, стоит на страже. Помогло и то, что Цуме была такой же устрашающей, если не более.

Хотя, возможно, это психологический фактор, поскольку я испытываю абсурдную любовь к собакам и вообще к любителям собак. Сдержать желание обнять и погладить эту чудовищную собаку было, возможно, самой трудной частью всей поездки. Как кто-то может не хотеть погладить эту мягкую шерсть и обнять эту пушистость? Он был милым, и мне очень трудно удержаться от того, чтобы не расплакаться на месте и не завизжать, как маленькая девочка, которой я и являюсь.

"Тебе не страшно?" - спросил Куромару в один из моментов недели, когда мы остановились в лагере и его оставили охранять меня. Группа разделилась, чтобы выполнить необходимые дела до наступления вечера.

Кушина разбила лагерь и наложила защитные печати на окрестности, Обито занялся заготовкой дров и охотой на наш ужин, а Цуме патрулировала и разведывала местность на предмет угроз. Я предложила свою помощь, но Цуме сразу же отказалась, сказав, что если они все сделают сами, то утром быстрее все подготовят и уберут.

В итоге Куромару остался нянчиться со мной и, возможно, уберегать меня от неприятностей, если я решу, что мне скучно. Хотя... кому может быть скучно с говорящей собакой?

"Я и не знала, что ты умеешь говорить". Я усмехнулась, ничуть не обеспокоенная тем, что он сидел совсем рядом. Я должна побороть желание погладить собачку...

"Тебе не кажется странным, что я могу?" - пробурчал Куромару, сомневаясь в моем уровне комфорта рядом с ним.

"А стоит ли?" - спросила я, наклонив голову, чтобы посмотреть на него. "Все нинкены могут это делать, верно?"

Нинкен возвышался надо мной даже сидя. Думаю, он достиг бы шести футов или даже больше, если бы встал на задние лапы. Любой здравомыслящий человек, взглянув на огромные размеры этой собаки, испугался и убежал... но, как видите, я не из здравомыслящих.

"Некоторые, не все", - фыркнул Куромару. "Не все из нас склонны к изучению человеческого языка".

"Тогда как же ты научился?" - спросила я.

Куромару как будто приподнял бровь. Разве собаки могут так делать? "Ты находишь забавным играть в шарады каждый раз, когда хочешь донести до людей какую-то мысль?"

"Думаю, нет". Я ответила, глядя на его мягкий мех. Моя рука дернулась, но я оставила это при себе.

"На что ты уставилась?" - спросил Куромару, когда заметил, что я украдкой смотрю на него.

Сопротивляйся! Я должна сопротивляться! Я могу это сделать! Я могу... я могу... "Можно я... поглажу тебя?" - спросила я, полностью побежденная своей любовью к большим пушистым собакам.

Куромару уставился на меня на секунду, прежде чем откинуть голову назад в задорном смехе. "Ты странный ребенок".

"Я знаю..." - Я удрученно надула щеки, слегка покраснев от смущения.

Это, казалось, заставило его смеяться еще сильнее.

"Что смешного?" - с любопытством спросил Обито, когда вернулся с охапкой сучьев и сломанных веток.

http://tl.rulate.ru/book/71373/1978291